

ЛЮБОВЬ НА РУИНАХ

КСЮША ИВАНОВА

Ксюша Иванова

Любовь на руинах

<https://litres.ru/74212547>

Аннотация

Нужную комнату нашел быстро. Сильно толкнул дверь, сорвав своим ударом какую-то мудреную защелку. Шагнул внутрь и увидел ЕЁ. Сначала мне показалось, что передо мной стоит девчонка-подросток. Она или не она? Проверить я мог только одним способом. Другого просто не придумал. Сбил с нее шапку. Густые рыжие волосы рассыпались по плечам. Я просто офигел от этого зрелища! Даже, сволочь этакая, о раненом Сашке забыл. - Рыжая. Ты-то мне и нужна! Красивая. Очень красивая. С бледным личиком, прямым носиком и пухлыми губами. Эх, жаль цвет глаз не разглядеть! Но я был почему-то уверен, что они зеленые. Так засмотрелся, что даже не сразу заметил направленный в меня пистолет

Содержание

1. Рыжая	4
2. Ярослав	13
3. Ярослав	19
4. Зоя.	25
5. Ярослав.	30
6. Рыжая.	36
7. Ярослав.	42
8. Рыжая. Ночь перед отъездом.	47
9.	51
10. Рыжая.	68
11. Яр.	73
12. Ночь.	80
13.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

1. Рыжая

...Грязь и вонь... Вонь и грязь – это первое, что приходит на ум, когда Слепой спрашивает о моих ощущениях, о впечатлениях от прошедшего дня. Это – наша с ним традиция. Бывают дни, когда я до жути жду вечера, чтобы на пару минут заглянуть к нему в комнату, чтобы, увидеть его, чтобы услышать этот вопрос. Но отвечаю совсем другое:

- Женя, сегодня был замечательный день. Я видела солнце!

- Рыжик, это невозможно...- он улыбается. – Столько лет – ни разу! А тут – солнце!

- Правда, Женечка! – хоть он и не видит, я все равно утвердительно трясую головой. – Во время операции в окно проник огромный золотой луч солнца! Он от скальпеля отразился. Правда, когда я выглянула в окошко, минут через сорок, небо снова было затянуто облаками. Но я не успела только потому, что этот... мудак, Пашка, мало кетамина вколол – Петрович не заснул, а задремал только. Пришлось добавлять, чтобы раньше времени не очухался. А как добавила, копать стала – спешить-то не нужно! Но, знаешь, кетамин, сука, к концу подходит... Что делать будем?

- Зойка, не ругайся – тебе не идет. Придумаем. Что-нибудь обязательно придумаем.

- Не идет, говоришь? Ох, ты знаешь, мне вообще ничего

из нынешней жизни не идет. Помнишь, как в ванне с горячей водой полежать можно было? Пены налить с запахом цветочков разных, соли морской! А сейчас... До сих пор привыкнуть не могу к тому, что грязная такая! Страшилищем себя чувствую!

Сейчас с мытьем - проблема, как, собственно, и с водой в целом...

- Нет, Рыжая, тебе-то грех жаловаться – я еще помню, какая ты! Ты – красавица! Тебя ничто не испортит – ни грязь, ни запахи, ни пороки нашего времени...

...Женька потерял зрение из-за черепно-мозговой травмы, которую заработал во время очередной атаки сумасшедших, живущих в развалинах бывшего хлебозавода. До сих пор корю себя, что не смогла ему помочь. Да и как тут поможешь? Я же все-таки не нейрохирург! Хотя, на самом деле, я уже и сама не знаю, кто я. Я и хирургом-то не стала по-настоящему. Успела только один курс на специалитете отучиться, когда все случилось. Просто некому было помогать пострадавшим...

Иногда с грустной улыбкой вспоминаю своего преподавателя, кандидата медицинских наук, выдающегося хирурга Будигай Александра Ивановича. Он всегда хвастал, что к своему, не такому уж и серьезному возрасту – 55 годам, успел сделать огромное количество операций – что-то там к нескольким десяткам тысяч! Нам, студентам, казались эти цифры заоблачными. В этой жизни, я поначалу считала опе-

рации, сделанные мной. Да потом бросила. Порой, как хирурги в годы далекой Великой Отечественной, падала от усталости прямо у операционного стола! Какие уж тут подсчеты! Уверена, что еще в первые пять лет после катастрофы, по количеству операций значительно опередила своего бывшего преподавателя.

Не все, живущие в группе под руководством Евгения Чуйкова, Слепого, могли похвастаться наличием собственной комнаты. У меня же она была. Собственные апартаменты – это знак великого уважения ко мне. Пожалуй, не было ни одного человека в нашей группе, которому я прямо или косвенно – через кого-то из близких, не оказала бы помощь. Я была специалистом широкого профиля – хирург, терапевт, инфекционист, психолог или даже иногда психиатр.

Людям было трудно. Миллионы погибли в результате катастрофы. Да, что там, миллионы! Миллиарды! Но и сейчас легче не стало. Теперь нас потихоньку убивает радиация, инфекции, отсутствие нормальной пищи в достаточном количестве, а больше - воды, ну и мы сами.

Когда все началось, еще существовало телевидение, выпускались газеты, существовал интернет, в конце концов. Нам сообщалось, что Краснодарская АЭС, которой руководил мой отец, находившаяся в небольшом городке Энергетиков на берегу реки Лаба, в пятидесяти километрах от города-миллионника Краснодара, в результате неудачного эксперимента, просто взлетела на воздух. Заражение всей южной

территории страны было настолько сильным, что в стране началась паника. Чернобыльская катастрофа была так, мелочью, по сравнению с тем, что случилось сейчас. Людей оттуда, с юга, тела которых фонили, как графитовые стержни, не впускали на территорию, которая по первоначальным подсчетам ученых, была заражена меньше. Но они находили лазейки. В считанные дни была построена полноценная стена-граница, которая поделила нашу страну на тех, у кого еще был шанс жить и тех, кому осталось совсем немного.

Сколько себя помню, в моем детстве и юности по телевизору вечно показывали ролики, особенно в информационных передачах, типа «Время» или «Новости», где рассказывалось о том, как наша страна оказывает помощь различным государствам, пострадавшим в результате природных катастроф или военных конфликтов.

Когда случилась беда у нас, правительство обратилось за помощью к США, а потом к различным другим странам. И получило ее. В виде мощной группировки войск, которая прибыла на Север России с вполне понятной целью – захватить и подчинить. Речи о помощи не шло. Но ведь у нас же было ядерное оружие!

Я иногда думаю, что при всем том бедственном положении, гуманнее всего было бы просто убить на месте того подонка, который приказал нажать на пресловутую красную кнопку.

Пусть лучше бы наше государство было захвачено врага-

ми. Пусть лучше нас, русских, вообще бы не было больше. Зато где-то были бы еще чистые незараженные территории. Где-то бы можно было бы спокойно засеивать поля, не боясь радиации, накопленной в почве. Где-то можно было бы рожать детей, не страшась увидеть у новорожденного лишнюю ногу...

Но приказ был отдан. А российское ядерное оружие было самым мощным на планете... От мира практически ничего не осталось. Да, Север нашей страны еще существовал. Но что это была за жизнь? Нас стало совсем мало. Мы лишились всего. И вместо того, чтобы объединиться и совместно бороться и пытаться спасти то, что осталось, мы поделились на враждующие группировки, где главными ценностями стали – еда, оружие, лекарства... но не люди, не человеческая жизнь, как таковая.

... Наша группа, состоящая из четырехсот пятидесяти человек последние полгода жила на территории бывшей городской больницы. Именно здесь, по иронии судьбы, началась моя профессиональная деятельность – сюда я пришла на практику и впервые присутствовала на операции. А теперь оперировала единолично. У меня было целых пять операций! И ни одного медика по образованию из целой группы!

А помощник мне был просто необходим. Поэтому я взяла себе в ученики парнишку – Пашку. Его мать умерла от онкологии почти год назад. Отца он потерял еще во время

катастрофы. В тринадцать лет остался совсем один. Я знала, как относятся к старикам и беспомощным людям – больным, увечным, - в других группировках, подобных нашей. О них заботятся, но недолго. Если очевидным становится невозможность вылечить, поставить на ноги, то порой человека просто выбрасывают за пределы места обитания группы. Он – обуза. В случае нападения врагов, каждой группе нужны только сильные, только те, кто способен держать в руках оружие. А в мирное время группе нужны те, кто чем-либо ей полезен. Мало кто отваживался рожать детей... И не только из-за отсутствия элементарных вещей и удобств. А скорее потому, что дети становились обузой для своих родителей, делали последних слабыми и уязвимыми. Ну и элементарно, большинство женщин, да и мужчин, просто утратили способность воспроизводить потомство. Я не знала, что тому было виной - радиация, скудность питания или что-то ещё.

...Пашка стал полезным – он был медбратом и санитаром в одном лице. К четырнадцати годам он вполне сносно попадал в вену – правда, наркоз пока рассчитать сам не мог...

...Я лежала в своей маленькой комнатке, которая когда-то служила кладовкой в больнице и, уставившись в потолок, думала, думала...

...Восемнадцать лет – самый замечательный возраст! Я так радовалась, когда стала совершеннолетней! А все потому, что мой строгий папа не разрешал мне встречаться

с мальчиком, жившим этажом выше. Ваня учился в параллельном классе, и мы знали друг друга вот уже три года, с того самого момента, когда он с родителями переехал в наш город и поселился в доме, где получали квартиры только сотрудники атомной электростанции.

Мой папа был начальником АЭС. Мы жили в одной из самых больших квартир во всем доме! Папа Вани был инженером по технике безопасности. Тоже, собственно говоря, не последнее лицо. Но его отец – добродушный голубоглазый добряк и душа компании. А мой – строгий и черствый, не желающий, а может, и не умеющий показывать свои истинные чувства. Строгий режим, устоявшиеся нормы нашей семейной жизни, папа всегда ставил во главу угла. Были определенные моменты, которые должны были происходить только так, а не иначе. Например, заведено было есть по субботам из фарфоровой супницы солянку на обед, и сколько я себя помнила, всегда была именно она. Что бы ни случилось!

А уж по поводу взаимоотношений мужчины и женщины у отца были совершенно пуританские взгляды. В его понимании целоваться на лестничной площадке с мальчиком было верхом неприличия. Не знаю, как у такого отца могла вырасти такая дочка, как я! Поистине говорят, в тихом омуте...

Ваня искренне не понимал, почему я не могу сходить с ним в кино или погулять вечером по улицам. Наши встречи обычно ограничивались совместным походом из школы к дому. Ваня был красивым мальчиком с голубыми глазами

и черными, как смоль, волосами. Я с трудом понимала, что такого он мог найти во мне – вполне себе обычной девчонке с веснушками на лице. Чего я только не делала, чтобы избавиться от них – сметаной мазала, делала маски из цинковой мази и пророщенных зародышей пшеницы. Не помогало. Зато теперь веснушек нет... Как, впрочем, долгое время не было и волос. Сейчас, правда, до плеч отрасли. Раньше я ненавидела свои рыжие кудри. Сейчас жду-не дождусь, когда они превратятся в локоны. Хотя, слишком длинные отсрать нельзя – мыть нечем, вода на вес золота.

Став совершеннолетней, сразу после выпускного в школе, я заявила отцу, что теперь имею полное право делать то, что хочу. В том числе встречаться с мальчиками. Ждала скандала. Только в тот вечер он устало посмотрел на меня из-под очков и отправил учиться в Питер. Спас мою жизнь. А Ванечка... Ванечка в те ужасные дни приехал домой на выходные, потому что учился в Краснодаре, от которого всего два часа на электричке до нашего города. У Ванечки скорее всего и могилы-то нет...

Никто не составлял списки погибших. Некому стало. Да и зачем? Для кого? Но я точно знаю, что осталось от нашего городка. Руины. На века обреченные отравлять атмосферу радиационным излучением.

...Я не могла уснуть. Как всегда. Обычно к утру только удавалось забыться беспокойным сном. А проснулась, как очнулась из обморока, от воя сирены. Опасность! Кто-то пы-

тается проникнуть на нашу базу. Хорошо, что не раздевалась. Ухватила пистолет, лежавший под подушкой, и рванула к выходу. Только далеко не убежала.

Дверь в мою комнатку распахнулась перед самым носом. В проеме стоял огромный, как мне показалось, незнакомый мужлан с автоматом Калашникова в руках. Весь в каких-то ремешках, пластинах, с дредами на голове и короткой аккуратной бородой. Он навел на меня дуло автомата, потом неожиданно резко сбил рукой мою шапку, удовлетворенно кивнул как бы сам себе, и чуть растягивая гласные, спокойно, как будто ему ничего не угрожало, проговорил:

- Рыжая. Ты-то мне и нужна.

2. Ярослав

Машина тряслась по ухабам, то и дело подбрасывая меня и прикладывая макушкой о крышу или плечом об дверь. Асфальт на улицах давно превратился в некое подобие стиральной доски, с помощью которой когда-то моя бабуля стирала свои цветастые халаты и панталоны с начесом.

До рези в глазах всматривался в сумерки - мы проезжали особо опасный участок. Заставлял себя думать только о деле, держать под контролем любое движение за бортом, но почему-то именно сегодня, именно сейчас вспомнилась мама... Тот день, когда видел ее в последний раз.

... - Славочка, сынок, ты, как только прибудешь на место, позвони мне. Ты же знаешь, что я волноваться буду.

Мама в голубом платье с длинными рукавами и вышивкой по подолу замерла возле двери. Красавица! Стройная, молодая, с кудрявыми русыми волосами. Мои ребята однажды увидев ее, не могли поверить, что я её сын - так молодо она выглядела. А ведь мне уже двадцать пять было!

- Мам, ну ты что? Обычная рядовая командировка! - безбожно врал, но с моей мамой по-другому было нельзя - слишком уж большой паникершей была она, а еще у нее было больное сердце. - Мы просто охранять какой-то государственный груз будем. Ничего опасного.

- Ой, отец твой тоже всегда так говорит. Да только три года

назад вот так же с охраны груза его с пулевым привезли!

Я пошел по стопам отца - служил бойцом специального назначения. Пока был рядовым, но вот-вот погоны должны были сменить - последнее задание было выполнено на все сто, поэтому вскоре ожидал повышения.

Отец давно уже не участвовал в боевых операциях. Да, как раз с того момента, когда получил ранение три года назад. Теперь он был, так сказать, теоретиком и имел достаточно высокий чин в нашей структуре. В тот момент он находился в Краснодаре по какому-то сверхсекретному заданию.

Мать безумно его любила. Так сильно, что умерла от разрыва сердца в тот момент, когда узнала о катастрофе...

Я был одним из тех солдат, которые служили в так называемых заградительных отрядах. Только после катастрофы в Краснодаре применялись данные боевые подразделения скорее для контролирования границ и не допущения прохождения их нашими же собственными гражданами, чем для борьбы с внешними врагами. То есть, по сути дела, мы ограждали одних граждан нашей страны от других.

Насмотрелся всякого. Видел, как отчаявшиеся люди делали подкопы под разделившую надвое страну, огромную по высоте стену, построенную военными в считанные месяцы. Видел, как расстреливали целые семьи в первые дни после принятия решения о недопуске на север тех, кто жил на юге. На моих глазах боец, присутствовавший на казни вот таких несчастных, среди которых было несколько детей, пустил пу-

лю себе в рот. Видел, как некоторым удавалось проникнуть в запрещенную зону с помощью подкупа военных...

Когда стало понятно, что в стране царит хаос, что правительство потеряло всяческий контроль, что американские интервенты прочно обосновались у наших границ и вот-вот начнут операцию по захвату, именно тогда мы с моим другом и сослуживцем Валеркой Шуваевым ночью покинули место несения службы, попросту дезертировали.

Нужно было спасти собственные шкуры. Ну, у Валерки к тому времени уже была семья - жена и сын. Ему было что терять. Я же остался совершенно один. Опасаясь и своих, и чужих, мы с огромным трудом пробрались в Питер.

Меня в родном городе ждала закрытая квартира. Что случилось с матерью я уже знал. Правда, на похоронах не присутствовал - непустили, тогда мы были на военном положении. Мать похоронил дед, ее отец. Съездил к деду, который один жил в деревне за городом, на даче, как любил называть свою старую хатку он сам. Посидели, помянули, как положено и мать, и отца.

Я уговаривал деда ехать со мной в Сибирь, куда мы решили рвануть с Валеркой, но он отказался. Да, впрочем, мы тоже не успели. Именно тогда было приведено в действие ядерное оружие и наша страна уничтожила с его помощью практически весь остальной мир. В городе было множество бомбоубежищ, в том числе и со времен Великой Отечественной. Здесь многие спаслись.

....Молниеносное движение какого-то предмета от груды железа, в которую превратился замерший на обочине дороги много лет назад трамвай, под колеса нашей старой, потрепанной, но вывозившей из разных серьезнейших переделок, "Рыси" М65, которая способна была выдержать взрыв минного боеприпаса до 6.5 килограммов в тротиловом эквиваленте, я засек сразу, несмотря на задумчивое состояние. Только, ЧТО это было, не понял.

Мишка, мой помощник и по совместительству, водитель, резко ударил по тормозам. Он явно решил остановиться. Да только моя интуиция подсказывала, что делать это в данном месте и в это самое время, смертельно опасно.

- Миха, едем дальше. Только осторожно, могут бросить зажигалку.

Хотя я понимал, что если бы нас хотели взорвать - уже взорвали бы. В данном случае бросили что-то безобидное, вероятнее всего, надеясь остановить и выманить из машины. Высунув из приоткрытого окна автомат, я дал очередь в сторону трамвая. Видимо, момент устрашения сработал, потому что до базы мы доехали без приключений.

Только выставленный Антоном часовой на основном входе почему-то бросился навстречу.

-Яр, там мальчишка твой...

Сердце похолодело в груди. Ох, и неугомонный у меня сын! Хотя, и самому себе уже давно признаваться не хотел, что пятнадцатилетний Сашка - не мой. Что когда-то, почти

семь лет назад я клялся его отцу, моему другу Валерке, умирающему от ранения в живот у меня на руках, заботиться о мальчишке. Обещание удавалось сдержать. До сих пор.

В маленькой комнатке, которая служила когда-то на заводе, производившем молочную продукцию, фельдшерским пунктом, на кушетке, обтянутой старой потрескавшейся клеенкой, лежал Саша. Он был бледный, как снег. Одежда вся в крови. Особенно в районе живота. Он спал или был без сознания.

Рядом дежурил Илья Петрович - старый фельдшер, который был у нас медиком. Я бросился к нему.

- Что с ним, Петрович? Что случилось?

- По злой иронии судьбы, то же, что и с его отцом. Пуля в живот. С Темкой отправился обследовать базу сумасшедших.

- Насколько серьезно ранение?

- Я пулю-то достал. Но я ж не хирург! Ему настоящий врач нужен! Операция. Внутри там органы пострадали, зашить все, кровь убрать, переливание сделать. Тогда жить будет.

- Да где же хирурга взять? Да еще и с операционной?

- Да где-где? В больнице, ясно-красно! В больнице на Ямской, знаешь, была такая улица когда-то? Во-от, там Слепой со своими людьми обитает. У меня там один старый знакомый живет. Конечно, они чужих не жалуют, но попытаться можно.

- Да что толку в операционной, если доктора нет?

- Так я к чему, там у них баба какая-то Рыжая, говорят, даже руки пришивает, если кому оторвет!

- Бред.

- Бред не бред, а есть ли у тебя выбор?

Выбора не было. Как, впрочем, и времени. Поэтому я, загрузил в машину сына вместе с Петровичем, который должен был придерживать мальчишку на сиденье. Взял пару лучших бойцов и осторожно, стараясь не трясти слишком сильно, поехал в сторону больницы на Ямской, искать Рыжую бабу.

3. Ярослав

Сашка по дороге очнулся. Стонал и плакал от боли. Я сцепил до скрипа зубы и старался гнать как можно быстрее. Только бы успеть! Только бы найти!

Естественно, практически у места, дорогу нам преградила охрана. Два дюжих мордоворота выскочили как из-под земли и замерли, уставив стволы в нашу сторону. Метрах в двадцати перед ними было что-то разбросано по земле. В темноте, освещаемой только фарами, не разобрать, что же именно - стекло, гвозди, а может, вообще, взрывчатка?

Я остановился, чуть не доехав до этого места. Вышел из машины, подняв вверх руки и оставив автомат на сиденье. Ребятам приказал ждать в машине. Права на ошибку у меня не было.

Так и шел к ним с поднятыми руками до тех пор, пока не услышал характерный звук передергиваемого затвора. Остановился.

- Мне нужен Слепой.

- Кто ты такой?

- Ярослав Дорофеев, боевой командир из группировки Жука. Слыхали о таком?

В свете фар было видно, как мордовороты переглянулись.

- Ну, предположим, слышали. Что надо?

- Слепой. Мне нужно поговорить с главным.

- Слепой по ночам не принимает. Приходи завтра.

Я бы сам так сказал. Но сейчас добиться встречи просто жизненно необходимо.

- Передайте Слепому, что у меня есть вещь, которая его заинтересует.

- Приноси ее завтра.

- Завтра будет поздно. Или сейчас или никогда.

- Что это?

- Генератор.

- У нас есть свой, - один мордоворот сказал, а второй резко взглянул на него - конечно, я предлагал нужный предмет. Очень нужный. Я бы даже сказал, что это одна из самых нужных сейчас вещей. Достать которую было чрезвычайно сложно. У меня он на самом деле был. В одной заварушке добыл. Была когда-то банда, которая неподалеку от нас обосновалась. Так вот промышляли они людоедством. Жили в старом бомбоубежище. У них и забрал, после того, как мои бойцы уничтожили банду под чистую. Выбора не было - по-тихому, сволочи, нападали. Особенно любили баб или детей украсть - видимо, считали их вкуснее.

Второй, который тут же показался мне более умным, имеющим проблеск интеллекта на лице, развернулся ко входу, открыл дверь и кого-то позвал. Из дверного проема высунулась вихрастая голова мальчишки с заспанным лицом.

- Пашка, сгоняй к Слепому. Скажи, что тут Жуковцы предлагают нам генератор. Пусть скажет, что делать.

Пока пацан не исчез, я успел ему прокричать:

- И чтоб быстро! Иначе, скажи, к Слепому я все равно попаду - перестреляю ваше сонное царство и попаду!

Не нужно было угрожать, конечно. Да только счет шел на минуты. Счет Сашкиной жизни.

Правда, нужно отдать должное пацану. Он вернулся быстро.

- Слепой сказал, чтобы вы его завели. Только одного и без оружия.

- Без оружия не пойду.

- Тогда вали отсюда.

Пашка сделал предупреждающий жест рукой.

- Слепой сказал, что он нам нужен.

Два мордоворота, придвинув свои морды друг к другу, посоветовались, не забывая поглядывать в мою сторону. И тот, который был умнее, сказал:

- Значит так, зайдешь с оружием. Но возле кабинета Слепого отдашь его. Согласен?

Условия понятны - видимо, Слепой очень уж важная у них фигура. Я бы к Антону тоже никого с автоматом не пустил. Пришлось согласиться.

Возле "кабинета" или, если быть честным, какой-то комнатухи, мой калаш отобрали не церемонясь. Комната освещалась свечей. В ее неярком свете Слепой производил неоднозначное впечатление. Высокий, даже чуть выше меня, плечистый, увереннодвигающийся по помещению - он ходил из

угла в угол. Совершенно седой, хотя на вскидку я не дал бы ему и сорока. Ну и жуткий шрам на месте правого глаза. Левый был слегка прикрыт, видимо, край раны лишь слегка его задевал. Если бы не глаза, он бы, наверное, нравился бабам.

- Ярослав Дорофеев. Правая рука Антона Жука. Бывший спецназовец. Человек, который всегда побеждает.

Откуда он знает? Я же не представился. А мордовороты, которые знают кто я, так и остались на своем месте. С мальчишкой они не разговаривали. Может быть, он не такой уж и слепой? Но я-то его вижу впервые!

- Зачем пожаловал?

Виду, что удивлен, я, естественно, не подал. Рассказал, как есть. Правду. Слепой молчал. Тогда я назвал свою цену за услугу - генератор, больше, собственно, было нечего предложить.

Он подумал, склонив голову, и сказал:

- Согласен. Только есть ещё одно условие. Не зависимо от исхода операции, ты должен будешь со своими бойцами сопровождать одного моего человека в заданную точку, а потом с грузом привезти в целости и сохранности обратно.

- Какой груз, куда нужно ехать и кто этот человек?

Слепой снисходительно улыбнулся.

- Ты уверен, что у тебя есть время на эти вопросы?

Он был абсолютно прав - у меня не было времени торговаться.

- Я согласен.

- Хорошо.

Он не потребовал никаких гарантий. Что было странно. Но я ни о чем не стал спрашивать. Слепой открыл мне дверь в коридор. Там ждал мальчишка, тот самый, который меня привел сюда. Я не успел выйти из кабинета, когда по всему помещению бывшей больницы раздался вой сирены. Слепой быстро вернулся в кабинет и пришел через пару секунд с автоматом Калашникова. Мне тут же вернули мой.

Безлюдный коридор в мгновение ока наполнился взволнованными и заспанными местными жильцами.

- Что случилось? На вас кто-то напал? - я волновался за своих, оставшихся снаружи.

- Возможно. Но ты не волнуйся, твои бойцы и мальчик уже в безопасности. Они в операционной. В конце коридора находится маленькая кладовка. Это - комната нашего хирурга. Иди туда, скажи, что я прошу ее прооперировать мальчишка. Она все сделает в лучшем виде.

Он вместе с пацаном зашагал в противоположную, от указанной мне, сторону. Я побежал по коридору, думая о том, что Слепой заранее все решил. Не видя меня, еще не поговорив, он уже впустил моих людей внутрь здания. Как будто был уверен в том, что я непременно соглашусь. Как будто знал всё наперед.

Нужную комнату я нашел довольно быстро. Сильно толкнул дверь, явно сорвав своим ударом какую-то мудреную защелку. Шагнул внутрь и увидел ЁЁ. Сначала мне показалось,

что передо мной стоит девчонка-подросток. Но первые лучи солнца уже проникли в окно, которое находилось за моей спиной. Окно, в котором, странным образом сохранились стекла...

Она или не она? Проверить я мог только одним способом. Другого просто не придумал. Я сбил с нее шапку. И густые рыжие волосы рассыпались по плечам. Я просто офигел от этого зрелища! Даже, сволочь этакая, о Сашке забыл на секунду.

- Рыжая. Ты-то мне и нужна!

Красивая. Очень красивая. С бледным личиком (а может, мне так просто кажется из-за плохого освещения?) С прямым маленьким носиком и пухлыми губами. Эх, жаль цвет глаз не разглядеть сейчас! Но почему-то я был уверен, что глаза эти непременно зелёные. Одета в мешковатый комбинезон и куртку поверх него.

Я даже не сразу заметил направленный в меня ствол пистолета.

4. Зоя.

На нас напали. Иначе почему этот чужак стоит в моей комнате с оружием наперевес и совершенно не обращает внимание на вой сирены? Не факт, что если я выстрелю, смогу убить его сразу - вон какие металлические пластины у него на груди, точно бронежилет!

Думай, Зоя, думай! И я навела пистолет на, как мне показалось, самое уязвимое в его костюме (и теле - все мужики одинаковы) место.

- Шаг назад, иначе отстрелю яйца!

Он иронично поднял черную, красиво изогнутую, как у девушки, бровь.

- Скорее член. Если будешь целиться именно туда.

- По хрен. Все отстрелю.

- Слушай, Рыжая, я сейчас был у Слепого... - я не дала ему договорить. Я подумала, что он убил Женьку. Что моего друга, человека, который стал моей семьёй, моим братом, всем миром для меня, больше нет в живых, и бросилась на него с криком, размахивая пистолетом, как ножом. Не знаю, почему не выстрелила. Лупила его по плечам, по стальной, в буквальном смысле, груди. И даже, кажется, по лицу.

- Сволочь! Что ты сделал с ним? Убью тебя!

Я находилась в такой дикой ярости, что пришла в себя только тогда, когда оказалась прижатой к стене его телом.

Странно, но он не убил меня. Более того, он даже не попытался сделать мне больно. И уж совсем странно то, что он аккуратно прижал мои руки к телу, как если бы не хотел причинить мне вред. Но это же - враг! Не понимаю! А потом этот мужлан наклонился и неожиданно спокойно прошептал мне на ухо, будто бы любовник своей подружке:

- Успокойся, рыжая фурия, я ничего не сделал твоему мужику. Он - жив и, наверное, здоров еще. Но на вас кто-то напал. И это не я. Мы договорились со Слепым, что ты прооперируешь моего... человека. Я за это окажу ему услугу. Все. Он разрешил.

Врет? Или, все же, говорит правду? Зайти так далеко в убежище, не убив никого из наших и не встретив сопротивления, невозможно! А от него не пахло горелым порохом - значит, не стрелял в ближайшее время.

Трудно было думать одновременно о двух диаметрально противоположных вещах - о том, что он говорит, и параллельно, о том, что он неожиданно приятно пахнет. Не так, как "пахнут" практически все мужики, и почти все женщины, которые когда-либо за последние годы подходили ко мне настолько близко, чтобы я могла ощутить их "аромат", обычно состоящий из нот пота, давно немытого тела, мочи и других всевозможных выделений. Он пах, конечно, не фиалками, как когда-то в другой жизни говорила моя подружка по институту Инночка, но приятным мужским запахом - чистой кожи, оружейной смазки, каких-то трав и чего-то неуловимо

знакомому, что пока я не могла определить. Я невольно потянулась, чтобы проверить правильность моих ощущений и на секунду коснулась носом его шеи.

Он дернулся, как если бы я отвесила ему пощечину. Отодвинулся немного и заглянул в мои глаза с расстояния в несколько сантиметров. Я сразу же принялась разглядывать лицо. И была просто-таки разочарована тем, что вижу перед собой. Да он же... он же красавчик! Просто лицо сильно испачкано - сразу не разглядеть!

Он тоже рассматривал меня. С интересом.

- Так что, доктор, поможешь моему пацану?

У него ранен ребенок? О, ну, дети - это моя боль и слабость. Тут я не могу отказать.

- Где он?

- В твоей операционной.

- Отпусти. Я иду смотреть его.

- Только без глупостей.

- Что ты! Я на такое не способна.

Я шагала по коридору к операционной, вновь натянув шапку и спрятав под нее волосы.

- Расскажи мне пока идём, что с ним произошло и как его зовут.

- Саша. Александр. Пуля попала в живот. Наш медик достал пулю, но она повредила внутренние органы. У нас нет хирурга и операционной.

- Это твой сын?

- Зачем тебе это знать?

- Скорее всего нужно будет ему кровь переливать. У близких родственников вероятность больше, что группа совпадает.

- Нет. Не сын. Не родственник даже.

И уже у двери я не удержалась и спросила лично для себя, просто из любопытства:

- Как тебя зовут?

Он удивленно посмотрел на меня, вновь подняв свою красивую бровь, но ерничать не стал, просто ответил:

- Ярослав.

... Мальчик был тяжёлый. Без сознания. Быстро осмотрела. Сделала анализ на определение группы крови. Ну, тут мне повезло. Вторая положительная - одна из самых распространенных. У Пашки такая, например.

Мой медбрат уже был на посту.

- Пашка, молодец ты мой! Давай готовим его - наркоз и капельницу. И кровь ему твою переливать будем - у него тоже вторая.

Пашка с готовностью кивнул и заметался по нашей операционной. Конечно, мы старались содержать ее в чистоте. Хотя до стерильности было далеко.

Ярослав остался в комнатке рядом с операционной, откуда через окно было видно все, что здесь, у меня, происходит.

И когда я делала свое дело, знакомое и нужное, не сразу смогла сосредоточиться на работе. Почему-то мне все время

казалось, что он внимательно разглядывает меня, следит за каждым движением. Я гнала эту глупую мысль, но она возвращалась снова - мне казалось, что следит он за мной не только лишь потому, что переживает за мальчишку.

5. Ярослав.

Она ничего не сказала при осмотре, но я столько ранений видел за свою жизнь, столько смертей, что понял и без слов - Сашка плох. И это неудивительно - крови потерял много и времени с момента ранения прошло немало.

Думал, что она меня выгонит, чтобы не глазел, но Рыжая указала на стул в соседнем помещении, которое связывало с операционной стеклянное окошко. Видимо, здесь когда-то делались показательные операции для студентов - медиков.

Через стекло, не идеально чистое, но и не кошмарно грязное, как все в их убежище, за пределами этой операционной, были видны все ее движения, все действия.

Я следил и сходил с ума от мысли, что мой мальчик может сейчас умереть.

.... - А когда твои мама с папой ходили на работу ты с кем был?

- Меня водили в детский сад.
- А что такое детский сад?
- Это такой большой дом, куда своих детей на время приводили родители. Там за ними присматривали воспитатели. Дети играли, кушали, спали. А вечером их забирали домой.
- И сколько там детей было?
- Ну, в моей группе - много, человек двадцать, наверное. Санька удивленно округлил голубые глазенки.

- Это как у нас, здесь?

Ну, как тут объяснишь пятилетнему мальчишке, что когда-то детей в одном месте, в одной комнате, могло быть гораздо больше, чем шесть...

Их, маленьких, вообще, немного выжило. Видимо, детскому организму нужна гораздо меньшая доза радиации, чтобы умереть. И условия дальнейшей жизни - грязь, холод, голод, болезни, человеческая жестокость, в конце концов, сильно способствовали сокращению детского населения нашей планеты. Ну и конечно, мало кто хотел, да и в принципе, мог, рожать.

Как быстро люди превратились в животных, озабоченных только одной целью - выжить! Сколько мне приходилось встречать таких, которые готовы были убить любого за банку консервов! Первые годы после катастрофы процветали насилие, мародерство, убийства без причины.

Мне повезло тогда встретить Антона. Человека, у которого была цель. Человека с принципами и идеалами, и самое главное, с честью и совестью. Да, в нашей группе состоят люди разные. Есть среди них и неидеальные, те, кому приходилось немало плохого совершить. Но каждый, попадавший к нам, должен был уяснить четко следующее: подлости, неоправданной жестокости, лживости и предательства у нас не терпят. Но зато - немало дают своим соплеменникам: защиту, пищу, воду, примитивное лечение и заботу.

Интересно, а как здесь, в группе Слепого все устроено?

Вот эта Рыжая, она кто главарю? Судя по ее реакции, когда решила, что я его убил, его женщина. Вот зачем, спрашивается, слепому такая красивая баба? Он-то все равно ничего не видит - любая бы сошла!

Мысли плавно скользнули в сторону женского пола. Классифицировать женщин до катастрофы я бы не рискнул - слишком много пришлось бы выделять категорий. Но сейчас, на мой взгляд, они твердо делились на две четко очерченные группы:

Те, кто научился быть ценной, как человек. Например, выращивать в специальных клетях с землёй овощи и ухаживать за ними. Те из женщин, которые готовили пищу, шили одежду. Короче, представляли из себя что-либо сами по себе. У некоторых из них были мужчины. Причем, обычно они жили вместе и строили отношения на равных. Такие бабы были в цене. Их было немного.

Ну, и вторая категория - те, кто без мужика-покровителя не были способны ни на что. Эти хорошо умели только одно - продавать свое тело. И таких баб, которые пошли по этому простому и необременительному пути, так уж сложилось, было гораздо больше. В современном обществе, они переходили из рук в руки, затаскивались, и в конце концов, как старая ненужная вещь выбрасывались прочь.

Но тут, в конкретном случае, по отношению к этой женщине, я впал в ступор. Я не мог определиться, куда ее отнести. Тут, два в одном! И покровитель у бабы серьёзный, и

сама редчайший в нашем городе спец - хирург! Не медсестра какая-нибудь! Противный внутренний голос добавил: "И красивая! Вон как ты на ее руки смотришь!" И правда, руки Рыжей притягивали взгляд - быстро, четко, без лишних движений, спокойно делала эта женщина свое дело.

И я невольно восхищался ею. Особенно, когда, выйдя из операционной часа через три, она устало села на стоящий рядом со мной стул.

- Гарантий дать не могу. Но что могла - сделала. Больше в наших условиях - нереально.

- Жить будет?

Пожала плечами.

- Я тебе не Бог, откуда мне знать. Но шансы есть. Вот придет в себя, увидим.

Ну, это уже немало! Я рад был и таким прогнозам. Обратил внимание, снимая окровавленные перчатки и не выбрасывая, а складывая их в металлический бикс, она посматривает в мою сторону, как будто чего-то ждет. Ах, ну да! Подчинившись внезапному порыву, сделал шаг навстречу и положил руку на ее запястье. Она почему-то вздрогнула, испуганно вскинув глаза. Я, отбросив неуместное желание погладить теплую гладкую кожу, сказал:

- Спасибо! Спасибо тебе большое! Я - твой должник!

Она улыбнулась. Осторожно вытащила свою руку из захвата моих пальцев и шагнула назад.

- Уверена, что размер долга Слепой тебе уже озвучил.

- Да, что-то типа того: "Сходи туда - не знаю куда. Принеси то - не знаю, что"!

- Он мастер загадывать загадки!

А сказала-то как! С восхищением! Вот так и должна женщина о своем мужчине отзываться и никак иначе!

- Я так понимаю, что забрать Саньку сейчас не получится?

- Ни в коем случае. Несколько дней будет здесь. Слушай, а что там с тревогой? Я совсем забыла, когда оперировала.

- Да, как мы сюда вошли, так все и стихло. Мальчишка, который кровь переливал и помогал тебе, недавно возвращался, сказал, что все в порядке - все проблемы улажены. О большем я не расспрашивал.

Она кивнула.

- Ну, что пошли к Слепому. К Саше я пришлю своего помощника - будет сидеть и наблюдать.

Я задумался. Все-таки мы по разные стороны баррикад. Вдруг ее пацан моему мальчику чем-нибудь навредить захочет? Было бы лучше к нему Петровича приставить - да он еще и медик к тому же! Но она, похоже, поняла причину моих сомнений.

- Лекарство у нас - на вес золота. Особенно то, что в качестве наркоза используется. Если уж оно на кого-то потрачено, значит, этот человек важен для нас. Никто его не тронет здесь. И мой Пашка свое дело знает - я его учу.

Она шагала вперед, а я - следом, с удивлением поглядывая на ее задницу - как-то с этого ракурса не успел рассмот-

реть! А надо сказать, смотреть было на что! Мужского покроя брюки явно были ей маловаты - туго облегали ягодицы. У нас в таком виде ходить было бы опасно для многих - если уж не трахнуть где-нибудь за углом (что, хоть и каралось, но тоже было возможно), то зажать и облапать, при отсутствии защитника, как пить дать могли.

А тут... ну, просто... красивая, в общем баба у Слепого. И не хрен на нее пялиться, иначе вечером придется Наташку звать! К ее услугам я прибегал иногда, с вполне себе прагматичной целью - снять сексуальное напряжение. С тех самых пор, когда Людмила, с которой жил несколько лет, ушла к другому.

Из задумчивости вывел насмешливый голос Рыжей:

- Задницу не видел, что ли? Дырку в штанах прожжешь!

6. Рыжая.

- Зачетная у тебя задница. Врать не буду - смотрел! Но ты тоже хороша - штаны посвободнее одеть не могла?

Ни фига себе! Ну и наглость! А ведь десять минут назад, когда этот пошляк руку мою своими пальцами сильными, грубыми, ласково так, нежно сжал, я чуть слюной не изошла! Таким он классным казался!

- Я, вообще-то, у себя дома - что хочу, то и надеваю.

- А ну-ну! Это твое дело, конечно. Но я на месте Слепого своей бабе не позволил бы так ходить.

Что? Это он сейчас о чем? Причем здесь Женька? И кто его баба? Я, что ли?

- Но ТЫ-то не на его месте. Так своей бабе указания и давай.

И пусть считает, что я с Женькой... так многие думают. Даже наши и то подозревают, что я со Слепым иногда ночи провожу. Он, конечно, мне нравился, потому что такие мужчины, как Женька не нравиться просто не могут. Но дальше взаимной симпатии дело не зашло. Мне иногда даже казалось, что, кроме как, о своей цели, наш предводитель ни о чем больше думать не способен. Раньше, до ранения, когда он мог видеть, когда на красивом лице горели синие, как небо в солнечный день, глаза, возле него всегда крутились бабы. Да и сейчас многие бы согласились... Но давно уже

Слепой никого, кроме меня, к себе не подпускал.

Возле комнаты Слепого маячила длинная худощавая фигура. Явился! Два месяца не было. Я думала, что все, прибили уже где-нибудь мудака этого. Но нет! Живее всех живых, только грязный, как свинья. Впрочем, он такой всегда, даже когда подолгу у нас ошивается.

- О, Зочка, лисичка моя рыжая! - запел, облизывая свои тонкие обветренные губы, глазенками глубоко посаженными обвел с ног до головы. - Как я по тебе скучал! А ты ждала меня, моя хорошая? Я тут тебе подарочек привез. Я зайду к тебе вечером, меня тут немного ранили. Полечишь?

Блядь! Как же неприятно! Да еще при этом ловеласе самоуверенном. Не удержалась, посмотрела на Ярослава. Снова бровь свою поднял и смотрит на меня пренебрежительно так. Словно я - последняя подстилка во всем Питере. Типа, а я что говорил - штаны свои надела специально, чтобы вот такие "герои" внимание обращали. Вон даже улыбается уголком губ... Красиво улыбается, между прочим, сволочь такая!

- Значит так, Валера. Еще раз со мной в подобном тоне заговоришь и я так тебя полечу, что мало не покажется. А подарочек свой можешь смело засунуть себе в жопу.

Победоносно посмотрев на ошалевшего красавчика, я первой открыла дверь и шагнула в комнату Жени.

Всегда плотно закупоренное окно, сегодня было открыто. Слепой стоял возле него, упершись обеими руками в подоконник. Он даже не обернулся. Я молча вошла и он сразу

спросил:

- Рыжик, как прошла операция?

Слышал наши голоса из-за двери? Или, как всегда, знал, видел каким-то своим внутренним зрением?

- Нормально прошла. Но мальчишка плох - поздновато к нам привезли. Да и крови много потерял. И Женя..., - понизила голос почти до шепота и шагнула ближе, чтобы эти двое, которые вошли и маячили за моей спиной, не поняли о чем речь. - у нас все уже на исходе. Еще одна, максимум две, вот такие операции - и все. Нечем будет даже царапину обработать!

- Знаю, Зоя, все помню. Но ты присаживайся, у нас будет долгий разговор, - он, наконец, повернулся и поднял невидящие глаза на Странника, так у нас звали придурка Валеру.

Валера при этом не дышал даже, как мне казалось. Но улыбался.

- Здравствуй, Странник! - Слепой раскинул в стороны руки, давая понять, что готов обнять Валеру. Тот, рассмеявшись, шагнул навстречу.

- Вот как ты это делаешь? Ну, ведь знаю, что не видишь ничего, а всегда узнаешь? По запаху, что ли?

- Ну-у, по запаху сейчас тебя запросто можно за километр учуять! Чувствую я, чувствую! - и ведь не врал, по-моему... - Более того, я знал, что ты именно сегодня появишься.

Странник недоверчиво качал головой. Я изподтишка поглядывала на Ярослава. Он пытался казаться невозмутимым.

мым, но явно был заинтересован тем, что слышит сейчас. Чувствовал он себя в чужом месте совершенно свободно. Прошел, прислонил автомат к стене, а сам сел на табурет, стоящий рядом. И дреды на его голове почему-то не казались мне чем-то грязным и мерзким... И глаза... какие у него глаза красивые! А ресницы, на кончиках светлые, а у корней - черные. Так и кажется, что подводкой глаза обведены. Хоть бы свалил уже быстрее отсюда, иначе... Не успела додумать, чем мне грозит долгое общение с этим мужиком, как Женька оборвал мои странные мысли:

- Зоя, у тебя времени - до утра. Собери все необходимое в дорогу. Путь займет не меньше двух недель. Поедете на машине Яра. Вас будет шестеро. Учти, что обратно вы будете везти человека больного. То есть возьми с собой лекарства.

- Что-о? - эта новость была полной неожиданностью для меня. - Куда нужно ехать? Зачем?

Вообще-то, больше всего мне хотелось спросить, почему Я должна ехать с НИМ? Ни за что! Но об этом - только наедине!

- Ехать нужно в Москву. Там вы заберете одного человека и привезете сюда. Живым. Во что бы то ни стало. Ты поедешь потому, что человек этот не совсем здоров. Конкретно, что за болезнь, я не могу сказать, припадки какие-то его бьют. Дорога спокойной не будет, а без сопровождающего он может ее не перенести. Ну и, там, у человека этого, назовем его Пророком, ты сможешь свои запасы пополнить. У него

целая аптека.

Посчитав, что мне сказано достаточно, и вопросов я больше к нему не имею, Слепой повернулся к Ярославу.

- Ярослав, ты понял уже, в чем твоя роль?

Тот пожал плечами.

- Съездить в Москву и привезти сюда Пророка. Я могу взять с собой своих людей?

- Я пошлю с тобой Зою и Странника, он знает дорогу и знаком с Пророком. Остальные - твои.

- Трое, я так понимаю?

Я не удержалась.

- Почему трое? Женя, давай из своих кого-нибудь отправишь?

Спросила у Слепого, но ответил Ярослав:

- Трое потому, что больше просто в машину не влезут - максимум семь человек машина вмещает. А трое моих потому, что наша роль - тебя и Пророка привезти сюда живыми, а лучше всего сделать это я смогу со своими, проверенными, сработавшимися людьми.

Я переводила взгляд с него на улыбающегося Слепого.

- Я знал, что Жук никогда бы не сделал глупого человека своей правой рукой.

Ярослав, кажется, не обратил на эту лесть никакого внимания. Он встал, не торопясь взял свое оружие и, сделав шаг к двери, сказал:

- Завтра в семь утра я буду у вас. Надеюсь, о моем парне

здесь будут заботиться?

- Я это тебе обещаю. Независимо от исхода вашей поездки, - а Женя всегда держал слово, правда, чужак этого знать не мог.

Ярослав повернулся ко мне:

- Рыжая, если ты выйдешь в этих штанах, я лично их сниму и одену тебе другие!

7. Ярослав.

Антон задумался, обхватив руками кудрявую голову.

- Блядь, сейчас покурить бы! Яр, ты уверен, что это - не ловушка? Я про Слепого слышал. Умный, хитрый, а еще, говорят, что он - мутант. Из тех, которые хватанули радиации немерено, только она не лучевую вызвала, а, наоборот, сверхспособности открыла. Опасно будет. Он не просто так именно на тебя вышел. Ты ж понимаешь, ЧТО может случиться в дороге?

- А что может случиться, Антон? Максимум, погибнем все. Неужели ты думаешь, что он все подстроил - Сашкино ранение, например? Но я ведь мог и не повезти пацана к ним. Да и разве стал бы он свою бабу отправлять с нами, если бы просто хотел ослабить нашу группу и напасть, когда меня не будет рядом с тобой?

- Ну, во-первых, что значит для него какая-то там женщина? Может, так, разменная монета? А во-вторых, сколько человек в их группе?

- Меньше, чем у нас, однозначно. И, нет, этой бабой Слепой точно дорожит. Она - хирург, это она Сашку оперировала.

- Яр, я не узнаю тебя! И просто удивляюсь твоему безрассудству! Как ты вообще мог рвануть к ним? А если бы тебя и остальных наших, кто с тобой поехал, просто расстреляли,

даже ко входу не подпустив? А ведь они могли это сделать запросто!

- Сашка мог умереть!

- Я против твоей поездки. Отправь... вон, Давида. Или, на крайний случай, Стрелка! Они справятся. Почему именно ты должен ехать?

Я и сам подумал об этом. Но отправить кого-то из подчиненных практически на верную смерть, чтобы отдать Слепому свой, личный долг, я не мог. И еще одна странная, незнакомая мысль не давала покоя. Чем дальше я отъезжал от больницы, от места, где расположилась группировка Слепого, тем сильнее тянуло меня назад, тем больше хотелось вновь увидеть эту рыжую стерву... В голове возникла совершенно нелепая суеверная мысль: ведь я не ел, не пил у них - опоить, отравить, приворожить к себе меня она не могла.

- Антон?

- Вот только не начинай! Не вздумай говорить, что я должен буду о Сашке заботиться, если с тобой что-нибудь случится!

Я улыбнулся через силу и пожал плечами. Он сам все знает, к чему сотрясать воздух?

....Старался тратить время только по делу: отобрал людей, подготовил машину, оружие проверил - почистил и смазал как положено. Попросил старушку Матвеевну, мать Лёхи-Стрелка приготовить нам что-нибудь в дорогу. Лёха - счастливчик! У него отдельные апартаменты, в которых жи-

вет целая семья: мать, жена, двое детей. Мало кому повезло так же, все больше наши по-одиночке обитают, вот как я или Антон, но и ответственности на Лехе больше. А чего стоит прокормить такую ораву! Хотя мать у Стрелка, наверное, и из травы с пылью обед сварганить может! Так готовит, что пальчики оближешь. Старушка даже обрадовалась моей просьбе, несмотря на позднюю ночь. Знала, что в таких случаях из моих припасов всегда немного и для своих внуков выгадает.

Прошел еще раз по всему убежищу, проверил часовых - стоят, хорошо я их поднатаскал, не садятся даже. Помылся в холодной воде, благо в бывших душевых налажена постоянная ее подача. У нас такой уж большой проблемы с водой, как у других, не было. На территории бывшего хлебозавода, где мы обитали, была старая скважина и даже система очистки вполне сносно работала. Одел свежую одежду. Потом посмотрел на отцовские командирские часы, подаренные после первой моей удачной командировки, которые вот уже пятнадцать лет ношу на левой руке. Четыре часа в запасе еще есть. Неизвестно, когда в следующий раз получится поспать.

Заснул, как всегда, в тот момент, когда голова коснулась подушки, вырубился, словно кто-то щелкнул выключателем. Последней мыслью было: "Хоть бы Наташка не пришла!"

Она явилась к утру. Скорее всего, всю ночь согревала другую постель. Я не подозревал даже, а знал наверняка, что Наташка помимо меня спит еще с парой-тройкой наших мужи-

ков. И брезговал ею. Только ее мало смущал тот факт, что я никогда, кроме самого первого раза, два года назад, не трахал ее традиционным способом. Элементарно боялся заразиться чем-нибудь. И, да, я знал, что многие болячки запросто передаются со слюной, но разве мог отказаться от ее умелых рук и губ? Наташка знала, как именно я люблю, и делала все на высшем уровне.

Я почувствовал, что кто-то зашел в комнату, когда она, шагнув в чуть приоткрытую дверь, сделала первое движение в сторону постели. По плавным, уверенным шагам понял, что это именно она. Разделась, бросая одежду на стул, стоящий возле моей кровати. Залезла на нее, встала на колени между моих раздвинутых ног, руки легли сразу, без ненужной подготовки, на пряжку ремня. Рассегнула, оттянув резинку трусов, вытащила наружу мгновенно твердеющий член и, облизав, как леденец на палочке, вобрала глубоко в рот. Невольно подался бедрами вверх. Она довольно заурчала, так, словно ей, на самом деле, доставлял удовольствие этот процесс.

Чем занималась Наташка днем, я не знал. И не интересовался. Но по ночам она, совершенно точно, тренировалась. И была настоящим специалистом в своей, так сказать, области. Обычно, а наши встречи бывали не так уж и часто, ей нужно было потрудиться, чтобы я кончил, но сегодня хватило нескольких минут. А все потому, что перед моими закрытыми глазами маячило бледное лицо с зелеными глазами в

обрамлении рыжих волос. Мне даже показалось, что на самом пике наслаждения именно Рыжая сказала:

- Какой ты, чистый... сладкий мой..

В ту же секунду судорожно сжался живот, член дернулся, и семя толчками выплеснулось в горячий рот. Су-ука... Рыжая сука... Сейчас Слепого ублажает... От этой мысли в мозгу произошел мини-взрыв и ладони сами сжались в кулаки. Нет, ну только этого не хватало - ревновать какую-то...

8. Рыжая. Ночь перед отъездом.

- Как ты можешь доверять чужаку? А вдруг он предаст? А вдруг он решит присвоить то, что мы будем везти назад?

- Пророка? Да на хрен он ему сдался? - Женька смеялся.

Если честно, то я была уверена, что какой-то там мужик, которого Женя величает так высокопарно - Пророком, только прикрыtie, а настоящей целью нашей поездки является, например, оружие, продовольствие, лекарства, ну, или, семена каких-нибудь растений. То есть, что-то на самом деле важное... Но из слов Слепого, исходя из его реакции на мои претензии, выходило, что наша цель, действительно, он.

- Но для тебя же он ценен? Вдруг и этому... как его там, он понадобится? А мы против него, с его же тремя бойцами, совсем ничего сделать не сможем!

- Что, даже имя не спросила? - его губы растянулись в лукавой улыбке, как будто что-то знает обо мне такое, чего я сама еще не знаю. - Зойка, он тебе понравился! Ты влюбилась!

- Женя, как можно влюбиться в человека, которого знаешь всего несколько часов? Глупости!

- Хочешь, я расскажу тебе о нем? - и, не дожидаясь моего ответа, начал. - Ярослав Дорофеев, тридцать пять лет, правая рука Антона Жука, лидера группы выживших, которые называют себя Северной группировкой. У них около полуго-

ра тысяч бойцов, хорошо натренированных, вышколенных, беспрекословно подчиняющихся своему командиру. Он нам нужен, Зоя. Он нам нужен даже больше, чем Пророк.

Я, до этого ходившая из угла в угол, застыла статуей в центре комнаты.

- То есть... то есть ты меня посылаешь с ними не для сопровождения больного! Не только для этого. Под него подложить хочешь...- у меня от одного предположения перехватило дыхание. Да как он смеет? Я - не вещь, которой можно вот так распоряжаться.

- Зоя, поверь мне, все получится само собой. Наши кланы объединятся. Мы нужны друг другу. Ты знаешь, чего я хочу. Мы сможем этого добиться. Это будет непросто - люди разучились доверять друг другу. Но если мы хотим выжить, если хотим наладить, улучшить наше существование, мы обязаны объединиться. Для этого, как это ни странно, нужна сила. У Жука сила есть. Яр - его сила!

Фанатик! Мой Женька, человек, которому я доверяла, настоящий фанатик! Да он по трупам пойдет ради своей идеи! И по моему трупу тоже сможет! И тут мой уставший, требующий отдыха мозг, пронзила догадка:

- Женька, это твоих рук дело? Мальчишка ранен по твоему приказу?

Он не ответил. Промолчал. Но я хорошо знала этого человека. Я поняла сама.

- Зоя, я знаю, что будет. Я вижу. Не глазами, нет. Ко-

гда-нибудь люди снова смогут жить не как крысы, каждая в своей норе - мерзкой и грязной, а на земле, на возрожденной, очищенной земле! Ради этого можно потерпеть сейчас!

Я не смогу его переубедить. Это невозможно. Я сделала шаг в сторону двери. Но все-таки решила спросить:

- А я? Меня ты тоже "видишь"?

- Рыжая, ты будешь счастлива, очень. Иначе, я никогда бы тобой не рискнул. Иди, отдыхай, скоро утро.

Я обернулась у двери и в последний раз посмотрела на человека, который столько лет был моим другом и защитником. Он медленно протянул руку к свече, стоящей в стакане на столе прямо перед ним, и сжав пальцами огонёк, потушил ее.

Перед тем, как лечь спать, заглянула в операционную. Саша спокойно, размеренно дышал - видимо, так на него наркоз подействовал. Но сон для него сейчас - лучшее лекарство. Пашка мирно сопел прямо на стуле, положив вихрастую голову возле ног раненого. Справится ли он один, без меня, если что-то пойдет не так? Сможет ли помочь парнишке? И лекарств почти не осталось. И перевязки делать нужно будет. Перед отъездом нужно дать ему последние наставления.

... Устала за день. Тело просило об отдыхе. Но голова отказывалась отключаться. Под плотно закрытыми веками, как в калейдоскопе, мелькали картинки-события сегодняшнего дня. Лица, люди, мальчик, в брюшной полости которого я

ковырялась больше трех часов, и в конце концов, ЕГО лицо... с будто бы обведенными черной тушью глазами... Так, словно он сейчас передо мной. Так, словно я сфотографировала его и сейчас смотрю на проявленную фотографию. Я сама, против воли своей, потянулась к нему. Обняла за шею и почувствовала резкое, быстрое, судорожное движение навстречу.

И только когда его губы легли на мои, я поняла, что это не Яр. Так отвратительно - грязным, не знавшим воды, телом, застоявшимся потом - пахнуть ОН не мог! Я запомнила. Ярослав пах... замечательно. А этот... обеими руками уперевшись в грудь мужчины, я изо всех сил оттолкнула его, одновременно с этим толчком открывая глаза.

Распахнутая дверь впускала совсем немного серого утреннего света из коридора. В моей комнате окон не было, а вот в коридоре были - огромные, в полстены по высоте.

- Зочка, ну что ты? Испугалась, моя хорошая? Не бойся, это же я. Ничего плохого я тебе не сделаю, - шепчет, а сам настойчиво лапает своими ручищами, тянет на себя, вызывая волну неконтролируемого отвращения.

- Руки убери! - хотелось добавить какое-нибудь оскорбление, но разум подсказывал, что сейчас я нахожусь в очень опасной ситуации - оружие не достать, помощи ждать неоткуда, а Странник - очень и очень сильный мужик...

9.

Так и уснул, не испытав, по сути, удовлетворения. Да, даже физическое удовольствие было испорчено мыслями о чужой бабе! И, что уж совсем ни в какие ворота - снилась тоже она!

Будто бы Рыжая лежит на берегу моря на желтом песке в одном купальнике, и ее босые ступни омывают ласковые волны. И купальник у нее - жёлтый с бусинками на бюстгалтере - видел так, будто вот он - рядышком, руку протяни и накроешь плотную, достаточно объемную чашечку.

... Проснулся снова в боевом состоянии и даже потянулся к сопящей под боком Наташке. Провел рукой по линии плеч, вниз по талии к бедрам и понял, что нет, не то, не такая... Другую хочу. Солнечную, упрямую, дерзкую. И не просто хочу переспать с ней. Хочу понять.

Идиот! Впереди задание. Сложное. Путь неблизкий. А ты о чем думаешь? Как мальчишка, как сопляк какой-нибудь! Бабу увидел на других непохожую и тронулся умом! Усилим воли выбросил Рыжую из головы.

Оделся, собрал все, что приготовил к поездке и, не оборачиваясь, вышел из комнаты. Ребята подтянулись к машине вслед за мной. Выбирал себе команду с умыслом, таких, которым доверял, кого считал самыми лучшими.

Димон, как я и ожидал, пришел первым. Его у нас зва-

ли Десантником. Кличка точно отражала прошлое - он, действительно, в десантуре служил до катастрофы. В свободное время, по вечерам особенно, Димон качался, медленно, но верное подтягивая к этому делу молодых ребят. Была у него штанга, гири разного калибра и даже отдельная комнатуха, где все это добро стояло. Сильный, выносливый, неглупый, помешанный на идее "братства", так он называл нашу Северную группировку. Преданный ребятам, и, конечно, мне с Антоном, до мозга костей. Такой, как Димон, запросто собой прикроет, если нужно будет. Таким - надежным и преданным - он был и в семье. Его жена, которую он знал и любил еще со школы, Елена, была женщиной мягкой, тихой, маленькой ростиком - едва по плечо Димону. Растили сына. Пацан по имени Артем был лучшим другом и ровесником моего Сашки.

Димон молча сел рядом на бревно. Во дворе завода огромное количество подготовленных и сваленных в кучу деревьев, распиленных "дружкой" на чурбаки. Часть из них ребята из тех, что помоложе, уже покололи на дрова. Чтобы не замерзнуть холодной длинной зимой их нужно очень и очень много.

- Яр, как Сашка?

- Вчера вечером был жив. Скоро узнаем, - говорил специально спокойно и практически равнодушно, но на душе кошки скребли. Переживал, как там мой мальчишка. За ночь ведь все что угодно могло произойти - вдруг хуже ему стало?

Зевающий Степка, растрепанный и даже в полусонном состоянии что-то жующий, одевался на ходу. Такому как Степан, конечно, нужно питаться лучше и употреблять гораздо более калорийную пищу, чем он может себе позволить. Степке было всего двадцать - растущий организм. А к тому же он имел высокий рост и богатырское телосложение. Димон покачал головой показывая мне глазами на парня, мол, молодежь несознательная пошла - опаздывает, да еще и не в надлежащем для важного задания виде является.

- Степан, где Давид? Пора ехать.

Степан посмотрел за дверь и резво соскочил с крыльца. На освободившемся месте появился Давид. И не один. О, сегодня нашего ловеласа провожает Маша. И вроде бы, девушка нормальная, серьезная - ничто не предвещало, что вот так запросто поддастся такому бабнику, как Давид. Но ведь умеет, сволочь, мозги бабам запудрить. Десантник, вставая с бревна, сплюнул на землю:

- Яр, лучше бы ты Леху-Стрелка взял - глаза б мои этого... потаскуна не видели!

Давид, который, конечно, все слышал, только улыбнулся, поцеловал у нас на глазах покрасневшую от этих слов девушку и молча, первым сел в машину на заднее сиденье. На самом деле, боец он был замечательный - владел восточными единоборствами, стрелял без промаха, быстро соображал. И Антон прав, Давид мог бы заменить меня в этой поездке, справился бы. А его отношения с женщинами - это сугубо

личное дело, лезть в которое я бы не стал.

Антон, естественно, тоже вышел. Попрощался, пожелал удачи. Ну и просил, по возможности, привезти что-либо из необходимого. Но это он мог бы и не говорить - мы и сами отлично знали. И потом Жук ещё долго стоял у ворот, засунув руки в карманы брюк и глядя нам вслед.

К зданию больницы мы приехали за полчаса до назначенного времени - ровно столько потребуется, чтобы к Сашке заглянуть.

Давид мирно дрых сзади, явно ночью не до сна было. Не стал его трогать - территория все равно под контролем у людей Слепого - ничего с машиной случиться за время нашего отсутствия не должно. Но Степке все-таки приказал оставаться в машине, смотреть в оба и быть наготове. Димон пошел со мной внутрь.

Нас уже ждали. Коренастый пожилой мужичок, стоявший до этого рядом с одним из охранников возле входа, махнул рукой, призывая следовать за ним. Дорогу я узнавал - мы шли в сторону операционной. Мужик на вопрос о Сашкином самочувствии ничего не ответил, только плечами пожал. Сказал, что Слепой велел вести нас сюда, и больше он сам ничего не знает.

Впереди, в полумраке длинного коридора, вдруг послышались странные звуки: какая-то возня, грохот, отборные маты, произносимые сдавленным женским голосом и мужской смех. Да это же из комнаты Рыжей доносится! Спросил

у мужика:

- Что это за шум?

Он снова безразлично пожал плечами, так, будто подобное у них в порядке вещей. Я ускорил шаг и двинулся в сторону шума. Димон шел следом за мной, но голос его прозвучал как-то неуверенно:

- Слышь, Яр, может не нужно вмешиваться? Не наше это дело!

Я и сам так думал.... Но когда услышал ее испуганное: "Пожалуйста,пусти, не нужно...", а потом громкий крик: "Женя!", рванул с места бегом, дернул входную дверь на себя и в полутьме с трудом разобрал, что клубок из сплетенных тел находится прямо передо мной на полу. Рыжая, ясное дело, внизу - волосы, как осенние листья, разметались прямо у моих ног. А сверху - тот самый, неприятный мужик, который приставал к ней возле комнаты Слепого вчера вечером. И которого она, кстати, отшила...

Когда Валерка навалился сверху, шепча совершенно несуразное: "Зюечка, тебе понравится! Я знаешь, что умею... Завтра сама будешь просить меня сделать так же!", попыталась вырваться, и у меня получилось! Но успела сделать всего лишь один-единственный шаг к двери, Валерка догнал, вцепился в волосы, с силой дернул на себя. От боли закричала, кажется, на всю больницу! Ну почему я так близко к операционной и так далеко от всех остальных наших? Сама, сама

так хотела, чтобы поменьше микробов от жителей к больным проникало! И, несмотря на скученность и нехватку помещений, мне позволили в этом крыле на первом этаже расположиться практически одной, не считая Пашки и тех, кто был мной прооперирован. Все хотели выжить, поэтому и позволили мне жить, как королеве! И ни разу за все эти годы никто не посигнул на мою честь! А сейчас... И кто? Женькин друг!

Валерка присосался мокрым отвратительным поцелуем кшее – теперь засосы будут... Затаилась на несколько секунд, терпя и это, и грубые шершавые и, конечно, грязные пальцы с острыми ногтями (под которыми точно куча микробов!), стремительно заползающие под футболку и сжимающие груди. Попыталась пробить его на жалость: "Пожалуйста, отпусти, не нужно..." Но он шумно сопел в ухо: "Какая же ты сладенькая! Сама же полезла целоваться!" И тут не скажешь, что другой мне привиделся, что всем своим существом потянулась к совершенно незнакомому, впервые увиденному мной только вчера, человеку.

Вот дура! Чего же я не кричу? Вдохнула поглубже и изо всех сил заорала, срывая связи:

- Женька!

Помнила, как он жалел меня тогда... Спасет! Поможет... Если, конечно, услышит!

Вызывающая лишь отвращение рука Валерки, была тут же выдернута из-под моей футболки, мой рот закрыт. Я брыкалась и кусалась, но он явно был сильнее. Да и "нежно-

сти" прекратились - понял, гад, что моего ответа не получит. Толкнул прямо на пол и навалился сверху, одной рукой держа мои руки, второй - нащупывая ремень на моих штанах. Кровь пульсировала в голове толчками. Также, толчками, рывками, проносились в голове мысли: "Нет! Нет! Не хочу! Не могу! Что делать? Что же делать?" Я зажмурила глаза и только-только собралась закричать снова, как вдруг почувствовала, что Валерка резко и быстро встает с меня.

- Сука! Ты что делаешь?

В этом голосе было столько злости, что я даже сначала не поняла, кто именно произнес эти слова. Попыталась подняться. Возле меня на корточки присел огромный, похожий на медведя мужик, одетый в военную гимнастерку и штаны - в утреннем свете, проникавшем через открытую настежь дверь было хорошо его видно. Кто это? Откуда он здесь? Чего от него ждать? Он протянул мне руку и сказал спокойным, ласковым голосом, совершенно не гармонирующим с внушительной внешностью:

- Яр, смотри какая девушка красивая! Точно солнышко рыжая! Давай руку, не бойся, этот мудозвон тебя больше не тронет! А хочешь, командир ему яйца вырвет и в глотку за толкает вместо завтрака?

Больше реагируя на дружелюбный тон, чем на слова, я подала руку, он дернул меня на себя и одним движением поставил рядом. Поняв, что от Медведя не нужно ждать чего-то плохого, я осмотрела поле боя. Ну, как поле боя? Собствен-

но, никто и не дрался. Возле стены на коленях стоял Валерка, опустив голову вниз и не произнося ни слова. За его спиной, держа руки этого козла в захвате - Ярослав, с равнодушным выражением каменного лица.

Ну естественно, решил, что я сама спровоцировала, что сама под Странника легла, а потом передумала! Не знаю почему для меня имело значение, что он обо мне подумает! Но имело, имело, врать самой себе не было никакого смысла!

Ярослав поднял Валерку с колен, потянув за руку и вызвав при этом болезненный стон и отборный мат.

- Отпускаю, не вздумай выкинуть что-нибудь!

Валерка рванулся из его рук и отскочил на несколько метров в сторону. Мне показалось, что он дернулся именно ко мне, чтобы отомстить за унижение, чтобы ударить, и я, где-то в подсознании понимая, что незнакомый, впервые мной увиденный, чужой человек защищать меня не станет, бросилась в сторону Ярослава, как будто знала его всю жизнь, как будто он - последний мужик на земле, которому можно доверять.

И что удивительно, он не оттолкнул, и я, неожиданно для себя, оказалась в крепких объятиях! Просто впечаталась в мощное тело, не обращая внимания на множество железок и каких-то нашивок на костюме, тут же впившихся в меня. Но боль - это самое меньшее, на что сейчас я обращала бы внимание. А вот руки, обнявшие, прижавшие к себе, гладящие спину, неповторимый аромат его кожи, который тут же

одурманил меня - это да! Это я заметила сразу! И неожиданные слова:

- Не бойся, он больше никогда не тронет тебя. Слышишь? А если попытается, будет иметь дело со мной!

Сзади раздался удивленный голос того, медведеподобного:

- Яр, ты что, знаешь ее?

- Это Рыжая - хирург, оперировавший Сашку.

Со стороны медведя раздался свист, словно бы он не может поверить в такое положение дел.

- Баба - хирург, впервые слышу о таком в наше-то время! Круто! - а потом, обращаясь к Валерке. - Что ж ты, идиот тупоголовый, делаешь? Таких женщин нужно на руках носить - в случае чего, башку твою тупую пришьет! А ты насиловать! Э-эх, дикари! Что у вас за порядки такие? Где главный-то? Чего так распустил вас, придурков?

В дверях показался Женин помощник - Сенька Блаженный. Он был давно уже немного не в себе - с тех пор, как побывал в плену наших извечных врагов, банды Витьки Лимбета. Вроде и следов пыток на нем тогда не было совсем, но и с головой стали происходить странные вещи - молчал, отвечал невпопад, иногда начинал нести какую-то чушь. Но Женькины мелкие поручения всегда исполнял неукоснительно, организовывал быт нашего главного, так сказать.

Увидев одного из наших, я обеими руками оттолкнулась от Дорофеева, обрывая это странное желание быть поблизо-

сти от него, в зоне физического контакта, так, чтобы протянув руку, легко можно было дотронуться. Что за глупости-то такие! Не нужно мне этого! Подальше, подальше от него! Опасливо поглядывая на Валерку, я отряхнулась и шагнула к выходу.

...Как во сне осматривала мальчишку, пришедшего в себя и даже вполне связно разговаривающего. Видела и отмечала радость Ярослава. Слушала его вопросы и отвечала на них. Объясняла, как и что делать Пашке без меня. Но думала о своем. Охренеть, ты вляпалась, Зочка! Поедешь в путешествие по руинам нашей страны в компании Валерки-насильника, весельчака-Медведя и красавчика-Яра, который действует на тебя, словно валерьянка на кошку! Будет весело!

Потом, оставив их наедине - попрощаться-то нужно, чуть ли не бегом направилась в свою комнату. Стянув одежду, быстро обмылась в маленьком эмалированном тазике заранее подготовленной водой, оделась в штаны пошире, свитер под горло и сапоги, сверху накинула плащ и на голову свою любимую шапку, полностью закрыв волосы. Взяла подготовленный заранее чемоданчик с лекарствами и небольшую сумку со сменной одеждой и запасом продуктов. Засунула пистолет в карман, специально пришитый мною на подкладку плаща. И шагнула из комнаты.

- Нет, ну что за несправедливость-то такая? - Димон возмущался, безглаголиво поглядывая в сторону усевшегося ря-

дом с ним Странника. - Что у вас другого проводника нету? Ты один на все случаи жизни?

- Я - сам по себе. Вольный человек. Слепой попросил проводить вас, я веду, - буркнул ему в ответ нахмуренный и злой, одетый в какой-то странный черный наряд из ткани, напоминающей брезент, мужик.

У меня он, Странник этот, как и у Десантника, вызывал отвращение и не только из-за своего поступка - насилие над женщиной в наше время вещь неудивительная. Многие из тех, кого я знаю, с кем сталкивала жизнь за эти годы, творили кое-что и пострашнее - люди стремительно деградировали. Но и какая-то замызганность, отталкивающая внешность, злой, с оттенком некоего превосходства, взгляд, внушали неприятие к нему, отталкивали где-то на подсознательном уровне.

- Ох, и натерпимся мы с тобой! Таким как ты доверять нельзя совсем!

Димон сказал, а я подумал, что в точку Десантник попал! Любопытный, всем на свете интересующийся, Степка немедленно влез в разговор:

- Дядь Дим, а что такое случилось?

- Да так, ничего... Потом, когда-нибудь на досуге расскажу.

Второй час в пути. Пока дорога была мне знакомой, поэтому я уверенно объезжал опасные участки пути. Но мужики все равно внимательно вглядывались каждый в свою сто-

рону. А Рыжая, сидевшая сзади между спящим Давидом и Степкой, откинулась на сиденье, и, кажется, тоже спала.

Слепой приказал своим заправить под завязку бак, а еще выдать патронов к нашему оружию, что тоже лишним не было.

В пригороде неподалеку от старой, можно даже сказать, бывшей, свалки бродили одетые в лохмотья уродливого вида люди. Их мне уже приходилось видеть - это больные, заразные чаще всего, покрытые разными коростами, язвками, болячками. При нашем уровне медицинской помощи - практически нулевом, появление огромного количества таких несчастных было совсем не удивительным.

У многих, в группах подобных нашей, не было даже такого медика, как Петрович, что уж говорить о настоящем враче. Поэтому чаще всего, заболевших чем-нибудь страшным, просто выгоняли на улицу, чтобы остальные не заразились. И эти несчастные были вынуждены вот так скитаться в поисках пищи. До зимы. Зимой выжить не в группе, по-одиночке, было практически невозможно... Они умирали, а весной появлялись новые отверженные.

По одну сторону огромной мусорки жили люди, а по другую - стая собак. Дикие, озлобленные, но не совсем отошавшие, собаки-людоеды, даже в машине чувствовали возможную добычу. Увязались следом, пришлось увеличить скорость. Но дорога-то - кочки да ямы, сильно не разгонишься! Скоро свора стала догонять. Конечно, вытащить нас из са-

лона зверюги не смогут, но вдруг сломается что-нибудь? Колесо, например, пробьется? На такую стаю огромную угробишь все патроны!

Когда один из псов, похожий на гончака, с оскаленной пастью и вываленным от бешеной скорости языком, оказался совсем близко слева от машины, Степка, мало еще видевший на своем веку, за пределы города не выезжавший, труханул неплохо. Он крутил головой, пытаясь рассмотреть что твориться по обе стороны от нас на дороге. Колесо попало в яму, машина вильнула в сторону, собачье тело ударилось в дверцу, раздался дикий визг, машину тряхнуло еще раз, видимо, псина угодила под колесо. Свора отстала.

В зеркало заднего вида было хорошо видно, как быстро растерзав на части, псы начали пожирать своего соплеменника, при этом сражаясь за лучшие куски. Да-а, если друзья человека так одичали за десять лет, то что в лесах твориться? Тем более, что отстрел диких животных никто не ведет. Рискнул спросить у Странника:

- Как же ты пешком-то ходишь здесь?

Он пожал плечами и ухмыльнулся:

- Это еще цветочки. Дороги знать надо.

- И что, до Москвы доходил?

- Было дело... И до Москвы... и не только. Я умею быть незаметным.

Степка с интересом смотрел на него:

- А интересные истории когда-нибудь случались?

Странник покосился на меня и сказал:

- В другой раз расскажу.

Старался сосредоточиться на дороге и думать, думать, просчитывать все возможные опасности. Но вскоре начало отвлекать спектакль, разыгрывающийся на заднем сиденье. Ловелас выспался и начал бодро и настойчиво делать то, что умел лучше всего - клеить Рыжую.

Димон рассказывал Степке какую-то историю из своей молодости. Но я этого практически не слышал. Зато замечательно слышал разговор сзади.

Давид:

- Блядь, я все еще сплю? Или умер и попал в рай? Ты откуда, милая девушка?

Рыжая:

- Отвали, прошу тебя!

Но Давиду такие ответы нравились больше, чем обычное восхищение женского пола, которым он был избалован сверх всякой меры. Он осклабился белозубой улыбкой, которая даже мне в зеркало заднего вида показалась вызывающе радостной.

- О, как же я рад, что командир решил взять с собой именно меня! Ты тоже не пожалеешь, солнце! Точно! Именно так тебя и бзуду звать!

- Что-то сегодня мне "везет" исключительно на самовлюбленных озабоченных идиотов!

- Не боишься так выражаться, девочка? Я все-таки муж-

чина и могу тебя запросто отшлепать!

Угрожал, вроде бы, да только говорил ласково и с улыбкой - запал на нее, сволочь!

Рыжая:

- Вы мужики только и умеете, что физической силой доказывать свое превосходство и получать желаемое. А нормально, по-человечески, вести себя можете?

Давид:

- Можем. Только не тогда, когда наше бедро вплотную к вашему... бедру прижато.... Вот как сейчас мы с тобой. Так, я вообще ни о чем нормальном думать не могу.

Рыжая:

- Вот поэтому я ненавижу мужиков.

Давид:

- А я просто обожаю баб!

Слушал! Запрещал себе. Но слушал треп своего бойца и выходил из себя. Что ж правда такие они озабоченные? Чего они к ней пристают так настойчиво? Что других женщин нет? Ну, допустим, Странник к ней не равнодушен, кто его знает, какие там у них отношения были раньше. Но Давид? Ему что баб мало? Наших половину точно перепробовал! Хотя, чему удивляться - такова его реакция на любую.

Давид то замолкал, то начинал свое наступление на девчонку снова. Димон осторожно расспрашивал Странника. Я рулил, глядя по сторонам.

Много лет назад, еще с отцом, я ездил из родного Санкт-

Петербурга в Москву. Конечно, многое забылось. Но ощущение, воспоминание того факта, что мы проезжали тогда густонаселенные, обжитые людьми, места, оставалось до сих пор. Сейчас же я видел ужасающие картины разрухи и запустения. Казалось, что люди и близко от проезжаемых нами мест не живут. Остатки ржавой, изувеченной техники - с нее снимали все, что только могло пригодиться, полуразрушенные дома в заросших деревьями, кустарниками и бурьяном селах и городах - производили ужасающее впечатление.

- Командир, мы и ночью будем ехать? - Димон спросил, но об этом я уже и сам давно задумывался - стремительно темнело.

- Я думаю, что ночью по незнакомой территории ехать слишком опасно. Странник, что скажешь?

- Ты прав, командир, - понравилось ему, что за советом обратился, вон как приосанился, преисполнился чувством собственной значимости. - Километров через пять деревушка будет недалеко от дороги. Там один мой кореш живет. Приютит, если хорошо попросим.

Наверное, в этой истории мрачноватая картинка получается? Вам тоже так кажется? Дорогие мои, подскажите, какое впечатление от этой книги у вас! Ну, и не забывайте о том, что ваша реакция в виде звёздочек, очень важна для автора! Спасибо, что вы со мной!

10. Рыжая.

Если бы это было возможно! Была бы я в машине сейчас совсем одна! Я бы плакала, рыдала бы свернувшись клубочком на жестком заднем сиденье этой фырчащей, похожей на маленький танк, машины. Страшно смотреть на серую мрачную картинку окружающей действительности. Просто страшно.

Я привыкла к Питеру. Да, знала, что у нас все плохо. Но что настолько! Все вокруг серое и мрачное: буйно разросшиеся деревья и кустарники, превратившаяся в страшное месиво дорога, морозящий дождь, собаки эти, больные несчастные люди, никому не нужные, доживающие свои последние дни..

А еще... этот красавчик с внешностью такого восточного актера, даже небольшая бородка не портила нисколько. Какой же приставучий, какой настырный! Да поздно тебе, дружок, бисер перед свиньями метать - не дрогнуло сердце ни на минуточку... И ни бородка твоя, ни карие с поволокой глаза не изменят моего отношения. Вот такими мыслями сама себя развлекала. Ну и посматривала в зеркало заднего вида на водителя. Иногда ловила на себе его ответный задумчивый взгляд. Руки на руле - сильные пальцы, аккуратно обстриженные ногти, темные волоски на запястьях. Хоть бы этот, сидящий сбоку павлин сладкоголосый, не заметил, как я на

Яра пляюсь!

Начинало темнеть. Я, конечно, помалкивала. Но становилось немного жутко - по обе стороны от дороги густые непроходимые заросли... Кто в них сидеть может? Да кто угодно - и люди, и звери всякие! Ужас! Неужели мужики рискнут ночью ехать? Но нет, к счастью, свернули с главной дороги на узкое подобие грунтовки. По небольшому лесу буквально через десять минут выехали к деревушке. К бывшей деревушке. Сейчас от множества деревянных домиков, стоящих в ряд вдоль леса, осталось целыми всего несколько. Остальные - полуразрушенные, с заколоченными окнами. Зачем забивают их? Никогда не понимала этого - все равно, кто желает войти, тот войдет!

Выйти из машины было сродни подвигу - все тело затекло, ноги гудели, как будто я не ехала, а шла пешком целый день. Огляделась кругом - не покидало ощущение, что из лесной чащи кто-то наблюдает, следит за нами. Не хотелось бы мне здесь жить. Но ведь кто-то же живет!

Странник открыл мудреную задвижку, просунув руку между двумя близко прибитыми, но все же имеющими небольшую щель, досками в воротах, легко запрыгнул на высокое крыльцо, игнорируя ступеньки и забарабанил в дверь. Яр и его люди осматривались, держа оружие в руках. За домом стоял небольшой сарайчик, из трубы на крыше которого столбом вверх уходил дым. Баня, что ли? Вот это да! Открывать нам не спешили, но шторка на окошке дернулась

- правильно, гостей в наше время нужно сначала разглядеть, как следует, а уж потом в дом пускать...

Странник сунул в окно свою наглую физиономию - мол, смотри, это я пришел! Дверь, спустя мгновение, открылась. На пороге стоял высокий худощавый пожилой мужик с длинной и жутко грязной бородой, лицо его было обмотано старым шарфом, чуть топорщащимся в районе щеки. Тело поверх одежды и мехового жилета, замотано еще одним шарфом - шерстяным, когда-то бывшим полосатым.

- Странник, опять ты? Ну только неделю назад же был? Чего приперся?

- Тебе, Ванька, спасение привез! Пляши давай и в хату зови!

- Какое спасение? Водку что ли?

- Дурак! Доктора привез. Щас осмотрит тебя.

Старик посторонился, впуская в дом и с любопытством, живыми, ярко-синими глазами осматривая сначала меня, а потом остальных.

В доме было, на удивление, чисто. В центре комнаты - сложенная достаточно топорно, видимо, самим хозяином, печка. На ней чугунок, источающий аромат вареной картошки. В животе сразу же заурчало. Организм напоминал, что хоть раз-то в день кушать нужно, чтобы не помереть от голода. Мужики разошлись по комнатам, игнорируя возмущенные возгласы хозяина, осмотрели все, потом вернулись в кухню снова.

- Все чисто, кажется, - констатировал факт Медведь.

- Хозяин, - Ярослав обратился к старику. - Разреши переночевать у тебя.

- Переночевать? Да где ж я вас всех размещать буду? На полу что ли?

- Да хоть и на полу. Мы не балованные.

- Ну, если на полу - то пожалуйста! - мужик разговаривал с Яром, но глаза его настойчиво прощупывали каждого, как будто чего-то искали. - А где же ваш доктор?

Вон, оно что! Сильно прижало-то! Судя по щеке перевязанной - зуб болит невыносимо.

- Я - доктор, - пришлось обратить на себя внимание, потому что меня из своего списка на должность врача, старик, видимо, вычеркнул сразу же, как увидел.

- Ты? Ты же баба!

Красавчик и Медведь расхохотались. Красавчик тут же спросил:

- Как ты определил-то, старик, что она баба? Сисек, вроде, не видать.

- А ты помелом-то своим не мели. Зачем так о бабе говоришь? Нехорошо. Глаза у нее добрые, не то что у тебя, дурака. Так ТЫ, девонька, доктором будешь?

- Да, я.

- Помоги, Христа ради, прошу, - в глазах мужчины появились настоящие слезы. - Так намучился, сил никаких нет!

- Зуб болит?

- Да он, он, падлюка такая! Что я только не делал - и чеснок в дырку засовывал, и соль прикладывал, и водкой полоскал. Ничего не помогает! Болит еще больше. Ни спать, ни есть не могу!

- Давай, посмотрю, может что и сделаю. Только свет нужен, да поярче.

В избе было сумрачно. Но мужик, услышав мое обещание, тут же засуетился - убежал куда-то из дома. Яр и Странник тоже ушли на улицу. Медведь развалился на кровати хозяйина, стоявшей в углу за печкой. А Красавчик, (вот же наглец!) полез ножом в котелок, кипящий на плите - готовность картошки проверять. Молодой, Степка, кажется, вообще еще в дом не заходил - транспорт наш охраняет, что ли? Я решила сходить к машине за своим чемоданчиком. Обезбаливающее понадобится точно.

11. Яр.

А мужик-то не один живет. Интересно, кто с ним? Похоже, ребенок. В комнате, под кроватью - игрушки. И явно засунуты туда наспех, чтобы мы не догадались. Почему прячет? Хотя... защитник из него - так себе. Видимо, приходилось сталкиваться с разными людьми, не доверяет первым встречным. И правильно делает...

Чем, интересно, живет этот человек. Чем кормится? Огород небольшой имеется, но одной картошкой сыт не будешь.

Машину нужно загнать, спрятать за воротами во дворе. Вышли со Странником на улицу, я осмотрелся - в принципе, места достаточно.

Ощущение чужого взгляда жгло затылок. Кто следит? Кто смотрит?

Следом за нами вышла Рыжая. Пока мы со Странником открывали скрипучие старые ворота, косо висящие на ржавых петлях, она направилась к машине, распахнула дверцу и сказала, обращаясь ко все еще сидящему в салоне Степке.

- Эй, парень, подай чемоданчик.

Краем глаз непроизвольно следил за ней. Поэтому сразу обратил внимание, что протянутый Степкой увесистый баул она почему-то не взяла, а вдруг шагнула в сторону леса, не отрывая взгляд от чего-то увиденного там. И шла, как зачарованная, в сторону кустарника. Бросив открытую наполю-

вину створку ворот, пошел следом. Многое слышал, особенно в последние годы, о людях, которые научились с помощью мысленных приказов подчинять себе других, которые умели проникать в разум и читать мысли. Радиация странные вещи творила с человеком! Вдруг и Рыжая под гипнозом сейчас? Иначе, зачем бы ей рисковать - одной идти туда, где мог спрятаться враг? Да и шла она как-то странно - вытянув вперед одну руку. Но потом я услышал, как она сказала вполне осмысленным голосом:

- Не бойся, я тебя не обижу... - ласково так, доброжелательно сказала, как если бы совершенно не опасалась того, к кому шла.

Я взгляделся в листву неизвестного мне густого кустарника с красновато-зелёными листьями и синими ягодами и увидел в переплетении его веток огромные глаза. Сначала именно их, и только потом все остальное. Только и глаза эти тоже увидели меня, испуганно округлились и девушка, достаточно взрослая, точно не ребенок, сквозь кусты рванула в глубь леса.

Рыжая резко обернулась, подскользнулась от неожиданности на влажной траве и упала бы, но я успел не допустить этого. Всю дорогу мысли то и дело, нарушая мои приказы, соскальзывали на нее. Всю дорогу сюда она не давала мне покоя, притягивая к себе, привязывая невидимыми нитями. Упустить такой шанс дотронуться до нее, прикоснуться, просто не мог, с каким-то извращенным удовольствием подхва-

тил легкую тонкую фигурку и, делая вид, что просто не хочу позволить упасть, прижал к себе. И она, не пытаясь вырваться, жарко выдохнула в шею:

- Ну, что же ты делаешь, а? - я и сам так думал. И не понимал, зачем, почему веду себя, как мальчишка, одурманенный, ошеломленный впервые нахлынувшими чувствами к представительнице противоположного пола. И тем неожиданнее стала для меня следующая ее фраза. - Ты же напугал ее!

- Ты зачем одна к лесу пошла? - отпустил, понимая, что еще немного и я, не сдержусь и поцелую ее. Чувствовал, знал, кто именно и почему сейчас с ненавистью сверлит взглядом мою спину - выходили-то со Странником! А я и так слишком долго прижимал ее к себе.

Рыжая, не обращая внимания на мой вопрос, задала встречный:

- Разглядел ее? Странная, правда?

Я ничего странного увидеть не успел, да, в принципе вообще ничего не разглядел, ну, может быть, только глаза.

- Что странного-то?

- Пугливая, как ребенок малый, а сама взрослая уже - лет двадцать пять, точно. Мужчин боится, как огня. А во мне, несмотря на одежду, сразу женщину увидела и поманила к себе.

- Загипнотизировала?

- Нет. Позвала. Ты разве не слышал? Она меня Линой на-

зывала.

- Ничего не слышал. Тихо было. Мысленно, что ли, позвала?

Зоя удивленно смотрела на меня.

- Неужели и, правда, мысленно? Я и не сообразила...

- Ты понимаешь, что одной нельзя уходить? Опасно это. Для всех. А для тебя в первую очередь.

Обиженно вскинула голову:

- Почему? Потому что я - женщина, потому что за себя постоять не могу, да? Он ночью напал, пришел ко мне в комнату. Я просто не ожидала...

- Давай так договоримся, сейчас я за тебя отвечаю. Моя цель - сохранить твою жизнь. И я постараюсь это сделать. Поэтому запрещаю без моего разрешения уходить от меня дальше, чем на два метра. Поняла? Давай, каждый своим делом заниматься будет? Ты - врач, вот и лечи. А я охранять тебя буду и везти к месту назначения.

В сумерках, конечно, было не разглядеть, но мне показалось, что глаза Рыжей полыхнули яростью. Но она ничего не ответила, развернулась и быстро пошла к машине. Схватила с переднего сиденья, оставленный Степаном чемодан, и направилась к дому.

Когда я загнал машину во двор, закрыл ворота и вернулся вместе со Степкой в дом, операция была в самом разгаре. В центре комнаты сидел на стуле старик, широко раззявивший обрамленный грязной бородой рот. На кухонном столе горе-

ла керосиновая лампа. Мои бойцы-троглодиты уже вытаскивали из своих рюкзаков припасы и, обнаглев вконец, доставали и чистили готовую горячую картошку нашего хозяина. Ему, видимо, было сейчас не до возражений.

Рыжая осмотрела рот, удрученно покачав головой. Потом разложила на столе и протерла бинтом, смоченным спиртом нечто похожее на щипцы. На плите в металлическом кастрюле что-то отчаянно булькало и стучало о дно.

Чувствуя вину за грубость, спросил у нее:

- Тебе помощь нужна?

Она скептически посмотрела на меня и пожала плечами.

- Ну, в принципе, может быть, если корни глубоко и крепко сидят, то поможешь тянуть. И голову ему подержать бы надо, - глянула на мужика и добавила. - И его самого.

Мужики мои насторожились - никто не желал в этом участвовать. А бедный дед заскулил на стуле, запричитал:

- О-е-й, доктор, я хоть не помру?

- Если зуб не вырвать - помрешь обязательно. Гноем все заплывло. Сейчас вытащу зуб твой, рану почищу и лекарство положу в дырку. Тогда, глядишь, протянешь еще немного.

Рыжая достала из кастрюльки старинного вида металлический шприц, набрала из стеклянной ампулы лекарство и прокомментировала:

- Обезбол предпоследний на тебя трачу. Но при таком-то отеке, думаю, все равно будет больновато.

Она уколола куда-то, как мне показалось, в глубину рта.

Немного посидела рядом на стуле. Потом выразительно посмотрела на меня. Я кивнул Димону. Он с тяжелым вздохом подошел сзади и взял бедолагу за плечи, крепко удерживая в одном положении.

Я встал рядом и внимательно наблюдал за спокойными и уверенными действиями девушки. Мне казалось даже, что она слишком ласково придерживала такого неопрятного противного мужика за подбородок. Потом взяла щипцы и, обхватив ими зуб, начала расшатывать его. Старик дернулся, попытался взмахнуть руками, но я успел удержать и не позволить ему выбить щипцы из Зоиных рук. Она продолжала расшатывать, мужик дико выпучил глаза и начал крутить головой. Димон второй рукой зажал его голову.

В рот страдальца я теперь боялся заглядывать - каша из гноя и крови заполнила все вокруг. Рыжая тянула изо всех сил - а их явно не хватало, рука подрагивала, на лбу выступила испарина, шапка сбилась на бок, выпустив на свободу рыжую прядь.

- Давай помогу, - обхватил ее руку и потянул вместе с ней. И почувствовал, как что-то там, в зубе треснуло, мужик дернулся и начал заваливаться на Димона, закатив глаза. Рыжая, отодвинув мою руку, бросила в стоящее на полу пустое ведро окровавленный зуб, схватила кусочек ткани и, открыв баночку, намочила ее. По комнате тут же пополз неприятный запах нашатырного спирта. Мужик, понюхав тряпочку, тут же очнулся, по его подбородку стекала струйка крови. Ры-

жая выразительно посмотрела на меня:

- Слава, всё, дальше я сама, спасибо!

Что? Слава? Почему не Яр, как все? Так меня сто лет уже никто не звал...

12. Ночь.

Хозяину дома полегчало где-то через час. Он, лежавший, свернувшись калачиком лицом к стене, вдруг медленно сел, все еще держась за щеку. Удивленно покрутил головой, как будто впервые разглядывая мужиков, которые заняли практически все горизонтальные плоскости в помещении. И, наконец, остановился взглядом на мне.

- Не болит. Нет. Болит, но не так болит. Почти не болит.

Красавчик, сидевший на стуле возле стола и все еще жующий, кстати, очень вкусную картошку, заржал:

- Ты б уже определился, болит или не болит!

Я подошла к нему, заставила снова открыть рот - толком-то не удалось обработать даже, совсем никакой он был после удаления наболевшего зуба. Ну вот, вроде получше.

- Нормально, через пару дней, вообще, забудешь о нем.

Он вдруг схватил за руку.

- Доктор, не знаю как и благодарить - так не хотелось из-за зуба какого-то подыхать до того, как... в смысле, раньше времени.

Смочила кусок желтого от старости бинта из своих, стремительно подходящих к концу, запасов остатками перекиси из пластиковой бутылочки и дала ему. Видимо, своим лечением я вызвала уважение и, как следствие, доверие у мужчины, потому что он сказал тихонько, чтобы остальные не

слышали:

- Можешь сходить со мной... тут недалеко? Кое-что покажу.

Я пожала плечами, ночью с незнакомым человеком куда-то идти не очень-то хотелось. Но, в принципе, сидеть в чужом доме с толпой малознакомых мужиков, один из которых только утром пытался изнасиловать, вообще не слишком-то безопасно. Тем более, что Ярослав (надо же мне было, глупой, Славой его назвать! Он даже дернулся от неожиданности! Сама не поняла, с чего это я вдруг?) вместе с Медведем, так я называла его про себя, хотя уже и запомнила, что все обращаются к мужчине - Димон или Десантник, ушли на улицу. А нечего мною командовать - кто он такой, чтобы позволять себе так со мной разговаривать, как тогда, возле дома?

Да и о девушке очень хотелось расспросить нашего хозяина. Почему-то она не давала мне покоя. Он снова наклонился к моему лицу и прошептал:

- Если что, скажи им, что я тебя в уборную поведу.

Я кивнула, собрала свои причиндалы назад в чемодан и, когда он снова обвязав лицо шарфом (правильно, чтобы не застудить), пошел на выход, я направилась за ним. Молодой нехотя встал со стула.

- Зоя, мне командир приказал тебя одну не отпускать никуда.

Хороший мальчик - спокойный, милый, добрый, симпа-

тичный, не то что этот черноглазый, который ухмыльнулся и покачал головой, услышав Степкины слова.

- Степа, хозяин меня в туалет проводит. Я скоро вернусь.

Плевать. Я вам не барышня какая-нибудь, давно пришлось забыть о таких приятных, но ненужных в наше время вещах, как скромность. И на удивленный взгляд красавчика мне захотелось добавить: "Я и при тебе нужду смогу справить, если понадобится..."

Хотела сказать это, но не стала. Только когда шагала за стариком через двор мимо машины, подумала, что при этом самовлюбленном наглеце смогла бы, а при Славе (тфу, блин, привязалось ко мне имя это!), при Яре - ни за что, лучше в штаны...

За туалетом, на который, действительно, указал хозяин, видимо, на всякий случай, в заборе была дыра. Вот туда-то и нырнул старик. Я, естественно сгорая от любопытства, шагнула за ним. По хорошо натопанной тропе мы быстро дошли задними дворами до еще одного, стоящего в ряд на улице полуразрушенного домика. Но мужик в дом не пошёл, а открыл дверь в крепкий сарайчик.

Вот все-таки страшно было идти туда за ним - мало ли, вдруг он - маньяк! Сейчас тукнет меня по голове топором и поминай, как звали! Но он остановился и негромко проговорил в темноту:

- Лина, не бойся, это я пришёл... И не один...

Он шагнул в домик, а я стояла на пороге, ожидая, ко-

гда глаза привыкнут к темноте. Было слышно, как чиркнула спичка, и скоро помещение осветилось керосиновой лампой, стоящей в центре на столе.

Одна комнатка. Стол, лавка возле, в уголке - кровать. На кровати - та самая девушка, которую я видела в лесу. Она сидела, укрывшись по самую шею грязным ватным одеялом. Я рассматривала ее, а она меня. Спокойно, без страха.

Красивая очень, волосы только спутанные и сто лет немые. Глаза огромные в пол-лица, маленький носик и четко очерченные полные губы, вдруг зашептавшие что-то. Я шагнула к ней, чувствуя непреодолимое, непонятно откуда взявшееся, желание дотронуться, погладить по голове и услышать, что именно она шепчет. И тут она резко встала с постели, отбросила одеяло и громко сказала:

- Ли-ина...

Я округлившимися глазами смотрела на нее. Ох, даже не знаю... как тут и быть....

13.

Когда она пряталась в зарослях возле дома, огромный живот видно не было. Когда убегала, тем более - слишком густой кустарник хорошо скрывал ее тело. (Как же она с таким-то бежала вообще?) Да в тот момент я больше о мужчине думала, который неожиданно появился за моей спиной. Сейчас я ее разглядела. И ужаснулась. Широкая длинная рубаша не могла скрыть от глаз нереально большой живот. Двойня? Или даже тройня у нее будет! Как рожать их в вот в таких-то условиях? Верная смерть... Кесарево нужно делать. Операционная нужна. Ну, теоретически-то я могла бы попробовать, только к нам ее нужно. Успеем ли вернуться до того, как роды начнутся? Разрешат ли мне ее к нам привезти? Да и кто потом этих младенцев выхаживать будет? Е-моё!

Старик подошел к девушке, ласково погладил по плечу, подтолкнул к кровати. Она легла, он укрыл ее:

- Ты не пугайся, она ничего не отвечает, да и не разговаривает почти. Я выйду ненадолго. Проголодалась, наверное, бедняжка моя. Сейчас что-нибудь придумаю. Картошку-то съели всю, наверное. Доктор, посмотри ее, прошу тебя! Может, как помочь сможешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.